

Орлов Александр Анфимович

**Анна, купеческая дочь, или
Бархатный ридикуль из
галантерейного ряду**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
А46

А46 **Александр Анфимович О.**
Анна, купеческая дочь, или Бархатный ридикуль из галантерейного ряду /
Орлов Александр Анфимович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 57 с.

ISBN 978-5-521-26447-6

ISBN 978-5-521-26447-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Меня всегда прогаютъ сцены, гдѣ добродѣшель показывается въ своемъ величіи, гдѣ она торжествуетъ. До изступленія поражаетъ меня зрѣлище, когда я вижу безчестнаго человѣка, но сильнаго и богатаго, угнѣпающаго бѣднаго и честнаго человѣка. Я плачу, что не имѣю ни силъ, ни средствъ помочь горестному несчастливцу. Въ семь романъ выспавлена на сцену добродѣтельная купеческая дочь Анна, награжденная добрымъ, честнымъ женихомъ опъ Всевиद्याщаго Создашеля за смиреніе ея и кропость, давая разумѣть всѣмъ дѣвицамъ, что онѣ, поперявши честь, теряютъ Божеское благословеніе, которое ниспосылается только на честность. Я представилъ честнаго купца Савича, который не соглашается имѣть зятемъ миллионера, но бездушнаго человѣка, а соглашается имѣть бѣдняка, только бы онъ былъ добродѣтельный человѣкъ. Выспавилъ я на сцену сѣспрадашельныхъ людей, которые изумляютъ человѣчествомъ благодареніями; это есть примѣръ богатымъ для подражанія. Выспавилъ я добраго секретаря Метѣл-

кина, который, не совращаясь съ пути честности, былъ послѣ награжденъ съ избыткомъ за свою добрую душу. Ежели я представилъ козни, ябеды спряпчихъ, то я желалъ бы не представить ихъ, но олицетворить; ибо я видѣлъ тысячу примѣровъ раззоренія единственно отъ гнусныхъ корысполюбивыхъ видовъ спряпчихъ. Самая высокая мудрость Присудспвенныхъ мѣстъ спраждетъ отъ нихъ. Нигдѣ не экзаменуясь, не имѣя доброй нравспвенности, вовлекають они просподушныхъ въ ужаснѣйшія хлопоты и доводятъ до раззоренія. Основалъ я сей романъ на доброжелательствѣ ко всѣму роду человѣческому. При всей своей, можно сказать, нищепѣ, я не пожелаю подражать выпавленному здѣсь Обрѣзному, человѣку богатому, который укоряется за обманъ и ложь. *Igo pauperior; sed divitior Creso* — честною душою! вотъ, какъ надобно говорить каждому. Однако на свѣтъ не всѣ Анны и Валеріаны, ищешь Анну, а попадешь на шакую Аспазію, которая сдѣлается припчею; не угодаетъ!

Александръ Орловъ.

А Н Н А ,

КУПЕЧЕСКАЯ ДОЧЬ.

Вотъ какъ! пока былъ богатъ, такъ и кланялись, а теперь и шапокъ неломаютъ. Береги денежку на черну грязь, глупенькій!

„И я, брашъ, въ свое время также собирался, также сряжался на эту благодатную ярмарку, и я также укладывался съ шоварами; и у меня мелкали въ головѣ лестныя идеи, что изъ тысячи сдѣлаю по крайней мѣрѣ двѣ; и я, расставаясь съ друзьями на прощанье, спучалъ въ погребкахъ болагами; но шеперь все исчезло! Тогда, на каждомъ шагу встрѣчали меня друзья; и я не успѣвалъ скидывать шляпы, чтобъ дѣлать привѣтствіе, поздравлять, кланяться, здороваться, прощаться тогда какъ изъ бумажника моего не выходили тысячи; тогда черезъ улицу еще слышалъ призывные голоса и привѣтственныя рѣчи: Валеріанъ Александровичъ! господинъ Крутой, здравствуйте! заспѣсивился! именинникъ я былъ, а ты и не пожаловалъ; грѣшно, стыдно, еударь; а съ другой стороны: Валеріанъ Александровичъ! совсѣмъ поза-

быль домъ нашъ ; жена родила, а ты и на крестины не пожаловалъ. [Богъ съ тобою ! Съ претъей стороны кричали : Валерьянъ Александровичъ ! я женился ; а ты и на свадьбу не пожаловалъ ; да коли ужъ нѣкогда, то хоть бы на одинъ завпракъ ; но нынѣ пройдешь десять улицъ, не съ кѣмъ поклониться ; потому что шѣ, которые нѣняли, что я не жаловалъ на именины, крестины, на свадьбы, шѣ, увидя меня впереди, поворачиваютъ въ сторону ; или, надвинувъ на головы свои шапки, идутъ, не примѣчая любезнаго, неощеннаго ихъ друга Валерьяна Александровича. Вотъ какъ переменчиво время ! Вотъ, какъ переменчивы нравы человѣческіе !“

— Да чѣмъ ты тогда торговалъ ? — спросилъ Севастьянъ Анфимовичъ, сынъ Мешёлкинъ, отставной изъ одного Приказа Секретарь.

„Сперва Галантерейными вещами, потомъ книгами“ ошвѣчалъ Крутой. „Но, будучи молодъ, вѣтренъ, галантерейныя вещи, эту проклятую, блещущую приманку женщинъ, я отдавалъ всегда съ убыткомъ ; потому что одна улыбка какой нибудь вѣтреницы, одно ласковое, просительное слово : уступите ! заставляло меня съ цѣпочками, кольчиками и перспинями протягивать трепещущую руку къ черноокой красавицѣ, не разсуждая того, что я не бралъ и своихъ денегъ ; а потому покупатели у меня все были женщины : я имъ

не продавалъ, а можно сказать, дарилъ. Правда, наградою за ущербъ мой были иногда сладостныя мнунушны, сопровождаемыя милыми мечтами о блаженствѣ быть любимымъ. Замѣтилъ я, что часто посѣщала мою лавку дѣвица лѣтъ въ осмнадцать, прекрасная собою; и, по первому моему запросу немедленно опщивала деньги. Это случилось разъ до десяти. Однажды, когда она пришла ко мнѣ въ лавку и по первому моему запросу стала опщивать деньги, я спросилъ ее: почему она не торгуется? Выпавшія изъ глазъ слезы капнули на бархатный ридикульчикъ, который я ей продалъ. Она пошла отъ лавки, жестоко пронувъ сердце мое; я не могъ самъ удержатъ слезъ, заперъ лавку, побѣжалъ въ слѣдъ за ней, но уже она скрылась въ толпѣ народной. Я возвратился въ лавку и почувствовалъ, что я нашелъ безцѣнное сердце. Милый ея образъ носился вокругъ меня; я почувствовалъ, что она одна составляетъ все мое блаженство. Я ждалъ ее на другой день и каждая, похожая на нее женщина потрясала мою душу; но она не являлась. Тщательно я старался развѣдать о ней, тщетно поспрашивалъ о ней, всѣ женщины уже не производили во мнѣ впечатленія: я былъ ко всѣмъ равнодушенъ и холоденъ. Черезъ мѣсяцъ подали мнѣ письмо, которое развернулъ я съ шепетомъ. „Валеріанъ!“ шакъ писала моя любезная незнакомка: „я купече-

„ская дочь; имя мое Анна; отъ отца и брата слышала я, что ты въ кредитѣ упалъ, продовая женщинамъ за безцѣнокъ свои товары, которыхъ тебѣ для лавки своей уже купить будетъ не на что, а на кредитъ уже имѣть не можешь. По крайней мѣрѣ, я такъ слышала отъ отца и брата, которые, зная всѣ купеческіе обороты, имѣя сами большія спекуляціи, рѣдко ошибаются какъ въ расчетахъ, такъ и въ сужденіяхъ о торговыхъ людяхъ. Я искренно о тебѣ сожалею и желаю отъ чистаго сердца, чтобъ ты поправилъ дѣла свои. Анна.“

„Пока я читалъ письмо, старуха, принеся его, скрылась. Я пришелъ въ опечаленіе, спалъ повѣрялъ товаръ и нашелъ, что, ежели онъ весь распродается и съ барышемъ, то и тогда я не буду въ состояніи выплатить тѣхъ денегъ, которыми я долженъ. Я почувствовалъ важность упрека, сдѣланнаго мнѣ добродѣтельною дѣвицею. Я ожидалъ отъ нее еще извѣстія; но, до сихъ поръ не имѣю ничего объ ней вѣрнаго. Добродѣтельная прекрасная дѣвица! ежели бы хоть разъ я ее увидѣлъ еще, и тогда былъ бы я счастливъ. Чтобы поправить дѣла свои, вздумалъ я окредитоваться еще; но, увы! самые надежные, какъ я думалъ, люди отказали мнѣ въ кредитѣ, даже на сто рублей, между тѣмъ какъ прежде вѣрили на двадцать тысячъ. Вотъ, что значить поперять кредитъ. Такъ! я самъ

виновать; да ежели разсудишь, то многихъ бѣдъ, золь, несчастій мы сами виновники.

„Чтобъ мнѣ не распродать болѣе и болѣе дѣлъ своихъ, и чтобъ кредиторы не посадили меня въ тюрьму и тѣмъ не довершили бы мое несчастіе, я, для расплаты долговъ, продалъ весь шоварь, который имѣлъ налицо, продалъ многія другія вещи и расплатился. Но купцу безъ торговли быть нельзя; надобно было за что нибудь приняться и на что нибудь рѣшиться. Былъ я знакомъ съ однимъ книгопродавцемъ Вавилой Вавиловичемъ Обрѣзнымъ. Зная, что его отецъ, торговавши прежде Ерусламами и Бовами, разторговался до того, что не спалъ вѣшать для продажи погребенія коша мышами и подобныя тому лубочныя издѣлія, а уже снялъ лавочку и на полкахъ разложилъ Ролленевы и Милоззовы Исторіи, Математическіе курсы Лакруа, Безу и Войтяховскаго, систематическіе своды законовъ, Никольскаго Риторика, піворенія Ломоносовыхъ, Державиныхъ и Херасковыхъ; напоследокъ своимъ чадамъ оставилъ капиталъ, который они вѣкъ не проживуть. Хвачусь за книжный торгъ и я! говорилъ я самъ съ собою, попробую; а на сей конецъ и сталъ требовать совѣта у Вавилы Обрѣзнова. Вавила, видя, что мнѣ нѣтъ возможности закупить книгъ, чтобъ самому завестись торговлею, Вавила предложилъ мнѣ быть у него разно-

дикомъ книгъ. Но, такъ какъ я худо зналъ, что значить книжная торговля; то не понимая, что Вавила клалъ за книги несоразмѣрную цѣну, торговалъ въ убытокъ, такъ что, къ мѣсяцу не только не получилъ барыша, но принужденъ былъ послѣднее продать платье, чтобъ Вавилъ заплачить за книги, у него взятыя. Вавила, пользуясь моимъ незнаніемъ, давалъ мнѣ такія книги, которыя изъ лавки у него не шли съ рукъ. Онъ напечаталъ каталогъ своимъ книгамъ, полагая цѣну по своему произволу. Я, почитая каждую спрочу печатную за свящность, бралъ книгу за рубль, а принужденъ былъ отдавать за гривну. Конечно, ежели бы Обрѣзной былъ человекъ съ добродѣтельною душою, то не только бы не пожелалъ моего раззоренія, но даже поддержалъ бы меня. Вотъ, теперь, любезный другъ, сердце и разрывается отъ досады, что я уже не могу участвовать въ радости торговцевъ, отъѣзжающихъ на ярмарку. Посмотри на веселыя лица прикащиковъ, на самонадежныя ухватки молодыхъ купчиковъ, на заботливыя мины старыхъ спариковъ, посѣдѣвшихъ въ дѣлахъ торговыхъ; посмотри, какая суматоха; посмотри на самыхъ работниковъ, которые на мочныхъ плечахъ своихъ вытаскиваютъ изъ лавокъ ящики и кули; посмотри на самыхъ ямщиковъ, которые, подвязывая колокольцы къ дугамъ шроекъ, въ широкихъ намазанныхъ дѣгтемъ

сапогахъ, въ поярковыхъ шляпахъ, изъ ко-
нторыхъ выступилъ клей, въ смурыхъ ар-
мякахъ, разхаживають около шелегъ съ важ-
ностію ямщицкаго героизма: промчатъ не
кормя лошадей двѣ станціи! Посмотри, съ
какою заботливою осторожностію на ладо-
няхъ щипають они мѣльное серебро; и по-
казываютъ другъ другу, спрашивая: есть ли
на пятиалбынныхъ почки, а на гривенни-
кахъ подпись; посмотри, какъ они выни-
мають изъ — за пазухи кожаныя кошельки,
висящіе на толстыхъ ремняхъ на шеѣ; и,
тщательно и осмотришельно кладутъ въ
нихъ полученный задашокъ. Посмотри на
эти купеческіе сборы и на суматоху.“

*Вотъ какъ! жена молодая, такъ ста-
рикѣ и на ярмарку! не пойдетъ; сиди,
братъ, съ нею ухватясь; да нѣтъ!
глаза плохи, не увидишь.*

— Да! — сказалъ Мешёлкинъ — это похо-
дитъ на суматоху приказныхъ, когда они
ждутъ ревизора, имѣющаго осмотръ шкапы
повыщескіе, рѣшенныя и нерѣшенныя дѣла,
имѣющаго взглянуть на поступки Секреша-
рей и сдѣлать замѣчаніе самимъ Судьямъ.

Они пошли по городу, а Крушой ука-
зывалъ на купца изъ Ветошнаго ряду, началь
говорить: „мнѣ ѣхать на ярмарку не съ чѣмъ;
а вотъ этому купцу и есть съ чѣмъ, да

нельзя. Видишь ты у него распухшія ноги и свѣпящееся лицо, подобное стеклу. Ему препятствуетъ ѣхать на ярмарку водяная болѣзнь, которая посѣлила его по случаю неправильной и развратной жизни. А вотъ это купецъ, которому запрещаютъ ѣхать на ярмарку ревность. Женвшись, при спарости лѣтъ своихъ, на молодой женѣ, которая любитъ наряды, не любя морщинъ мужа своего, ѣздитъ безпрестанно со двора, онъ подозрѣваетъ ее въ непозволительныхъ связяхъ. Торгуя Палскими товарами, онъ могъ бы получить большія выгоды; но отъ жены ѣхать не согласишися, ежели бы на ярмаркѣ могъ получить за одну копейку рубль. А вотъ это изъ серебрянаго ряду Сидоръ Михѣичъ Привѣшивало; этотъ не ѣдетъ на ярмарку, потому что страстный охотникъ ходитъ по Судамъ. Онъ теперь завелъ процессъ съ купцомъ, бывшимъ его пріятелемъ, за одно выраженіе: „Еремина не тянешъ, Томина не везетъ.“ Теперь онъ опшскиваетъ: почему Еремина, т. е. его, не тянешъ, и почему Томина, т. е. его сына не везетъ? Моя Еремина, говоритъ онъ, помянетъ; потому что на всѣхъ судья и Секретаря положу чистое золото; а Томина помянетъ, потому что онъ перебьешь всѣхъ подрядчиковъ, свою братью, тѣмъ, что, кто подражаетъ, повезетъ онъ Тома. Потому сахаръ бочками, вины кульками, чай ящиками, а мало того, такъ и цѣлыми цы-